

ЦУРА
18+
НИНКИНА

18+

ВЛАДЫЧИЦА
СЕРЕБРЯНЫХ
СТЕПЕЙ

Шура Нинкина

Владычица Серебряных степей

«Издательские решения»

Нинкина Ш.

Владычица Серебряных степей / Ш. Нинкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692801-5

В матриархальном царстве правит царица Элеандра. Она живёт завоеваниями. Пленник — Харзак. Для царицы он сначала — игрушка, жертва её прихоти. Она ломает его. Между ними возникает нечто необъяснимое. Харзак, несмотря на унижения, не может подавить зарождающееся в нём чувство. Их связь — танец на острие клинка. По её воле выживая день за днём, он всё меньше уверен, что хочет жить без неё. Это первая часть книги — истории о страсти из противостояния и о любви там, где её не должно быть.

ISBN 978-5-00-692801-5

© Нинкина Ш.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Маяки Селены	6
Подглава. Возвращение	11
Глава вторая. Орда кочевников Шаара	17
Подглава Передышка перед бурей	21
Передышка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владычица Серебряных степей

Шура Нинкина

© Шура Нинкина, 2026

ISBN 978-5-0069-2801-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Маяки Селены

Степь горела.

Не трава – горели Маяки Селены. Древние каменные столбы, веками отмечавшие границы Серебряных Степей, теперь чадили чёрным дымом.

Их лунные символы трескались от жара, а резные изображения звёзд осыпались пеплом.

Архан припал к земле, прячась за валуном. В двадцати шагах от него воины Нэр-Ваала крушили последний Маяк.

Их крики сливались с треском пламени, а смех звучал как лай.

– Добей его! – рявкнул Халыг, верховный вожак. Его волчий клык на кожаном шнуре блестел в отсветах пожара. – Пусть луна погаснет!

Один из воинов взмахнул топором. Камень треснул, и верхняя часть Маяка рухнула, подняв тучу искр. Архан сжал рукоять ножа.

Он знал: это не просто разрушение.

Это объявление войны.

Ещё утром всё казалось иным. Архан шёл к ближайшему Маяку, чтобы оставить жертву – пучок сушёной травы и три птичьих пера, как делал его отец. Маяк стоял на холме, белый и нерушимый, его поверхность украшали выгравированные созвездия.

Но теперь здесь пахло кровью. Среди обломков лежали тела стражниц Серебряных Степей. Их плащи, вышитые серебряной нитью, тлели на ветру.

– Зачем? – прошептал Архан, обращаясь к ветру. – Они же не нападали...

– Они украли силу степей! – Ксор, старейшина, возник за его спиной. Его глаза горели не от огня, а от ярости. – Луна высасывает нашу жизнь. Эти камни – её клыки.

Архан не верил. Он помнил сказки о том, как два царства когда-то жили в мире. Но теперь сказки превратились в пепел.

Вечером войско вернулось в лагерь. Юрты стояли по спирали – как волчья стая на отдыхе. В центре, у Кургана Великого Волка, уже пылал костёр.

Барабан Духа гудел, задавая ритм: тук-тук-тук – как сердце зверя.

Воины начали Танец Стаи. Они кружились, подражая охоте: прыжки, рывки, низкие стоны.

Их тени сливались с тенями настоящих волков, круживших у края света.

Архан стоял в стороне. Он не чувствовал единства. Вместо этого в голове звучал голос матери: «Помни: волк – не враг. Он – отражение. Если ты ненавидишь его, ты ненавидишь себя». – Ты не танцуешь, – Морриган появилась бесшумно. Её глаза светились жёлтым, а за спиной маячили силуэты её стаи. – Ты сомневаешься.

– Это не наша война, – сказал Архан. – Маяки не нападали.

– Война началась задолго до нас, – она наклонила голову, принохиваясь. – Чувствуешь? Воздух пахнет железом. Скоро пойдёт кровь.

На рассвете Халыг собрал вождей у Штандарта Великого Волка. Войлочное полотнище трепетало на ветру, а рубины в глазах зверя казались каплями крови.

– Элеандра ответит, – заявил Халыг, ударяя копьём о землю. – Её Воительницы Луны думают, что они – свет. Мы покажем им тьму.

Архан смотрел на вождей. Их лица были жёсткими, как камень, а взгляды – холодными, как сталь. Они говорили о силе, о чести, о Законе Следа: «Сильный ведёт, слабый следует, хитрый выживает». Но где же правда?

Он вспомнил, как в детстве видел караван из Серебряных Степей – торговцы везли соль и ткани. Женщины смеялись, дети бегали вокруг, а один старик подарил ему медную подвеску в виде звезды. Тогда не было врагов. Тогда была только степь.

К полудню войско двинулось на запад. Архан ехал в рядах степных гонцов – всадников на низкорослых выносливых конях. Впереди, на горизонте, уже виднелись очертания Серебряных Степей: их холмы были покрыты изумрудной травой, а вдали мерцали купола храмов Селены.

– Готовьтесь, – крикнул Хальг. – Сегодня мы напишем новую историю!

Но Архан думал о другом. Он вспоминал слова Морриган: «Воздух пахнет железом».

И теперь он чувствовал это – запах приближающейся бури.

Где-то за холмами ждала царица Элеандра. Её имя уже стало легендой – жестокой, как мороз, и яркой, как пламя. Но для Архана она была не врагом. Она была вопросом, на который у него не было ответа. А за спиной, среди пепла разрушенных Маяков, волки выли в небо. Их вой звучал как предупреждение.

Степь сменилась предгорьями. Воздух стал резче, в нём появились металлические нотки – запах рудников Серебряных Степей. Архан натянул поводья, всматриваясь в долину внизу. Там, среди изумрудных лугов, раскинулся лагерь Элеандры. Сотни белых шатров, словно лепестки гигантского цветка, окружали центральный павильон из полированного серебра. Над ним реяло знамя – лазурный полумесяц на фоне звёздного неба.

– Они живут как боги, – сплюнул Ксор. – А мы спим на земле и едим пыль.

– Мы живём как волки, – тихо ответил Архан. – Разве это хуже?

Старейшина резко развернулся:

– Волки не прячутся за каменными стенами! Они встречают врага лицом к лицу.

Барабан Духа зазвучал глуше – ритм изменился. Теперь он напоминал стук сердца перед прыжком. Воины стягивались в боевые стаи, проверяя наконечники копий и натягивая тетивы луков.

Архан ощутил, как внутри разгорается странное пламя – не страх, а что-то древнее, почти забытое. Он вспомнил ночь посвящения: холодный камень под ладонями, запах волчьей шерсти, шёпот ветра: «Ты – часть стаи».

Атака началась на закате.

Степные гонцы Нэр-Ваала ворвались в лагерь, как вихрь. Их низкорослые кони неслись между шатрами, сбивая растяжки и опрокидывая котлы с кипящим отваром. В воздухе засветились стрелы – теневые охотники били из высокой травы, их оперение светилось ядом.

Архан мчался вперёд, сжимая копьё. Перед ним возникла фигура в бронзовых доспехах – Воительница Луны. Её меч сверкнул, отражая последние лучи солнца, и Архан едва успел отклониться. Удар пришёлся в плечо, но кожаный нагрудник смягчил удар.

– Ты не сможешь убить нас всех! – крикнула она, отбивая его выпад.

– Я не хочу убивать, – выдохнул Архан, уворачиваясь от клинка. – Зачем вы защищаете тех, кто разрушил Маяки?

Её глаза расширились:

– Что ты несёшь? Мы охраняем свои земли! Ваши шакалы сожгли святилища!

В этот момент стрела пронзила её бедро. Воительница вскрикнула, упала на колени, но тут же подняла меч, готовая драться до конца.

Архан замер. Перед ним была не безликая противница – молодая женщина с прядями седых волос в тёмной косе. На её запястье блеснул лунный камень – символ верности царице. Он опустил копьё.

Битва переместилась к серебряному павильону.

Воины Нэр-Ваала окружили его, но не решались приблизиться: у входа стояла она.

Элеандра.

На черных волосах, заплетенных в тугие косы, украшенных серебряными нитями, закатными лучами сверкал венец из лунного камня. Чёрный плащ струился, как живая тьма, а бронзовые доспехи сверкали, будто покрыты звёздами. На плече мерцал символ её рода: серебряная волчица, воющая на луну.

В правой руке она держала меч с лезвием, похожим на осколок луны – свой Лунный Клык.

Левая покоилась на шее её коня – Мрака. Животное фыркало, било копытом, но оставалось неподвижным, словно статуя.

– Хальг! – её голос прокатился над полем боя, заглушая звон клинков. – Ты привёл стаю шакалов на мою землю. За это ты умрёшь.

Верховный вожак рассмеялся, поднимая Копьё Следа:

– Луна бледнеет перед волчьим оскалом, царица. Сегодня ты узнаешь, что значит стоять перед стаей.

Они сошлись.

Копьё против меча. Сталь против камня. Крик против молчания.

Каждый удар Элеандры был точен, как укус змеи. Каждый выпад Хальга – широк, как волчий прыжок. Они кружили, словно два хищника, оценивая слабости друг друга.

Архан, пробившись к краю схватки, увидел: Хальг начинает уставать. Его дыхание стало прерывистым, а движения – чуть медленнее. Элеандра же оставалась холодной, как клинок.

– Твой дух слаб, – прошипела она, отражая очередной удар. – Ты воюешь ради мести, а я – ради дома.

Копьё Хальга застряло в расщелине камня. Элеандра молниеносно шагнула вперёд, её меч описал дугу – и голова верховного вожака покатила по траве.

Войско Нэр-Ваала замерло.

Штандарт Великого Волка, который несли позади Хальга, вдруг дрогнул.

Рубины в глазах зверя потускнели, а войлочное полотнище обвалилось, как кожа сгнившего трупа. Воины начали отступать. Кто-то бросил щит, кто-то упал на колени, шепча молитвы. Даже волки, сопровождавшие войско, повернули морды к степи и побежали прочь.

Архан стоял, парализованный. Перед ним лежала голова Хальга, а рядом – окровавленный Штандарт. Всё, во что он верил, рушилось.

– Сдавайтесь, – голос Элеандры прозвучал как приговор. – Или умрите.

Но никто не поднял оружие.

Поле боя затихало.

В воздухе висел смрад крови и гари, а над равниной поднимался туман – словно сама земля пыталась скрыть следы битвы.

Элеандра стояла над телом Хальга, её меч ещё дымился от жара сражения.

– Собрать пленных. Заковать в цепи, – её голос звучал ровно, без тени усталости. – Штандарт – в огонь. Пусть сгорит вместе с их мифами.

Воительницы Луны молча исполняли приказы. Они двигались как тени: быстрые, бесшумные, безжалостные. Одна из них подошла к раненой воительнице, которую Архан не успел добить, и протянула ей флягу с водой.

– Ты сражалась достойно, – сказала она. – Царица ценит храбрость.

Раненая с трудом приподнялась:

– Я сделаю больше, я справлюсь.

Подглава. Знакомство с Морриган

Ночные звёзды сияли тускло. Туман сгущался у края поля. Из белёсой пелены выступила фигура – не человек, не зверь, а что-то между. Морриган.

За её спиной маячили силуэты волков, их глаза светились жёлтым.

Элеандра развернулась. Её меч блеснул в лунном свете.

– Ты пришла, – сказала царица, не повышая голоса. – Я ждала.

– Ждала? – Морриган улыбнулась, но в её улыбке не было тепла. – Или боялась?

– Страх – для слабых. Я знаю, кто ты – дух степи. Тень, что шепчет в ночи. Ты-то мне и нужна.

Морриган рассмеялась. Звук был похож на скрежет когтей по камню:

– Ты думаешь, я – собака, которую можно взять за ошейник?

– Я думаю, ты – сила, – ответила Элеандра. – Только я ещё сильнее.

Они стояли друг против друга – две стихии: луна и тьма, сталь и шерсть, воля и инстинкт. Ветер стих. Даже волки замерли, будто ожидая приговора.

Морриган подняла руку. Один из волков шагнул вперёд, оскалив зубы.

– Попробуй, победи меня, – прошептала она. – Пусть твой меч встретится с клыками.

Элеандра не шевельнулась. Она просто смотрела – холодно, пронзительно, как смотрит охотник на зверя, зная, что тот уже в ловушке.

– Ты не понимаешь, – сказала она тихо. – Я не хочу убивать тебя. Я хочу, чтобы ты увидела.

– Что?

– Будущее.

Царица медленно подняла левую руку. На её ладони вспыхнул свет – крошечный, но ослепительный.

Это был лунный камень, вделанный в перстень. Он засиял ярче, чем звёзды, и его свет проник в туман, превращая его в серебристую дымку. Волки за спиной Морриган зарычали, но не бросились вперёд. Их глаза на мгновение отразили сияние, и в них мелькнуло... сомнение.

– Ты... – в страхе и почтении Морриган отступила на шаг. – Ты не просто царица. Ты – Владычица мира.

– Да. – кивнула Элеандра.

Она сделала шаг ближе. Свет от камня стал теплее, мягче. Он не слепил, а звал.

– Присоединись ко мне, – сказала Элеандра. – Не как рабыня. Как союзница. Ты знаешь степь лучше, чем кто-либо. Ты видишь то, что скрыто от других. Вместе мы сможем сделать многое.

Морриган молчала. Её волки притихли, опустив хвосты. Ветер снова поднялся, но теперь он нёс не запах крови, а аромат свежей травы.

– Ты предлагаешь не подчинение, – наконец произнесла она. – Ты предлагаешь... выбор.
– Именно так.

После некоторого молчания Морриган медленно преклонила колено и склонила голову:

– Я увидела в свете лунного камня твоё будущее – оно грандиозно... Я выбираю твою сторону, владычица.

В этот момент из тумана вышел Архан. Он шёл, шатаясь, сжимая в руке окровавленный нож. Его одежда была пропитана кровью, но глаза горели упрямством.

– Не верь ей, Морриган! – крикнул он. – Она уничтожит всё, что мы знаем!

Элеандра повернулась к нему. Её взгляд был спокойным, почти сочувствующим.

– Ты смелый, мальчик. Но смелость без мудрости – это смерть.

– Мудрость? – Архан рассмеялся, но смех перешёл в кашель. – Ты сжигаешь наши святыни и называешь это мудростью?

– Вообще-то, это были наши святыни, – ответила она. – Глупыш.

Он бросился вперёд, заноса нож. Но прежде чем он успел приблизиться, один из волков Морриган прыгнул ему наперерез. Клыки сомкнулись на горле юноши. Архан упал. Его глаза широко раскрылись, словно пытаясь запомнить последний взгляд на мир. Кровь хлынула из раны, окрашивая траву в алый.

Морриган не шевельнулась. Лишь её волки тихо отступили, слившись с туманом.

– Он был частью стаи, – прошептала она.

– Стая меняется, – ответила Элеандра, глядя на умирающего. – И мы тоже.

Подглава. Возвращение

На рассвете войско Элеандры начало движение домой, к Серебряным Степям. Солнце вставало над равниной, заливая золотом извилистую дорогу между холмами. По ней двигалось победное войско – не просто отряд, а живое воплощение триумфа.

Впереди, словно сама ночь в человеческом обличье, ехала Элеандра.

Её чёрный плащ, расшитый серебряными звёздами, струился за спиной, переливаясь в утренних лучах. Под плащом – бронзовые доспехи с инкрустацией из лунных камней, каждый из которых вспыхивал, стоило солнцу коснуться его грани. На голове – венец с узким полумесяцем, отбрасывавшим на лицо призрачный свет.

За ней – триста Воительниц Луны. Их строй напоминал поток расплавленной бронзы: доспехи из закалённой стали, покрытые тонким слоем позолоты, сверкали так, что больно было смотреть. На плечах – лазурные плащи, подбитые шёлком; они колыхались при каждом движении, будто волны на ветру. На груди у каждой – медальон с лунным камнем, а на поясах – короткие мечи и метательные ножи с рукоятками из чёрного дерева.

Кони под всадницами – вороные, с белыми отметинами на лбу, похожими на капли молока. Они гарцевали, вскидывая головы, их гривы были заплетены серебряными нитями. Время от времени кто-то из Воительниц поднимал руку, и тогда раздавался клич:

– Слава Луне! Слава Элеандре!

Крики эхом разносились по долине, пугая птиц, взлетающих с придорожных кустов.

Следом за конницей тянулся обоз – десятки повозок, гружённых добычей.

Там, под охраной суровых стражниц, лежали: ковры из войлока, где ещё угадывались вышитые волчьи морды; серебряные кубки с гравировкой в виде созвездий; свитки с древними законами Нэр-Ваала, скрученные и перевязанные кожаными ремнями;

оружие – копья с наконечниками из метеоритного железа, луки с тетивами из сухожилий, ножи с рукоятками, обёрнутыми волчьей шерстью.

А за обозом... шли пленные.

Три сотни мужчин и женщин, некогда гордых воинов Нэр-Ваала, теперь брели, спотыкаясь, с руками, скованными за спиной. Их одежда – грубые туники из неокрашенной шерсти, штаны из выделанной кожи – превратилась в лохмотья.

На ногах – обрывки меховых обмоток, пропитанные кровью и грязью. Некоторые несли на шее сломанные тотемные знаки: обломки волчьих клыков, погнутые медные перья, треснувшие когти медведя.

Позади пленных, закованных в цепи, шла Морриган. Её волки двигались бесшумно, как тени, – ни шороха, ни рычания, лишь мерцание жёлтых глаз в полумраке.

Они скользили вдоль колонны, то появляясь у самого края, то растворяясь в сумраке, будто порождения ночного кошмара.

Пленные нервно вздрагивали при каждом мимолетном прикосновении холодного взгляда зверя. У них не было даже мысли сбежать. Не потому, что цепи сковывали тела, а потому, что сами их души сковала леденящая уверенность: стоит лишь дрогнуть, сделать неосторожный шаг в сторону – и эти бесшумные тени рванутся вперёд.

Волки не станут предупреждать рычанием, не станут пугать оскалом – они просто окажутся рядом в одно мгновение, и тогда холод клыков станет последним, что

почувствуют беглецы.

Морриган шла невозмутимо, её фигура словно сливалась с сумраком. Она не смотрела на пленных, не обращала внимания на их страх – ей достаточно было знать, что он есть. Что он пронизывает каждый их вздох, каждый стук сердца. Время от времени один из зверей чуть приближался к колонне, его нос почти касался плеча пленника, затем так же бесшумно отступал назад. Это не было угрозой – это было напоминанием: побег невозможен.

На перевале, где дорога взбиралась к горным воротам Серебряных Степей, Элеандра подняла руку. Колонна замерла.

– Ксор! – её голос, чистый и резкий, как звон клинка, разнёсся над толпой.

Двое Воительниц шагнули к старейшине. Ксор выпрямился, но не сделал ни шага вперёд.

Его седые волосы слиплись от пота и крови, а на щеке алел свежий порез.

Элеандра улыбнулась. Её глаза, тёмные и непроницаемые, сверкнули.

– Это демонстрация. Посмотри назад.

Ксор обернулся.

Позади, растянувшись на несколько миль, тянулась колонна пленных. Их лица были серыми от усталости, глаза – пустыми. Кто-то падал, и его тащили за собой, цепляя за цепи. Кто-то шептал молитвы, глядя в землю.

– Ваш народ больше не опасен, – сказала Элеандра, и в её голосе не было злорадства – только холодная уверенность. – Вы – не стая. Вы – разрозненные тени.

Она подняла ладонь. На ней вспыхнул свет лунного камня, вделанного в перстень.

Камень засиял так ярко, что некоторые пленные зажмурились.

– Но я даю вам шанс. Кто хочет служить – станет частью нового порядка.

Кто откажется – уйдёт в небытие.

Ксор усмехнулся, но в его улыбке не было вызова:

– Ты не понимаешь. Без духа волка мы – ничто.

– Тогда станьте духом луны, – ответила она, и её голос стал тише, но от этого – страшнее. –

Или... степь примет всех.

Никто из его соплеменников не шевельнулся.

Когда войско приблизилось к горным вратам Серебряных Степей, их уже ждали.

На вершине скалы стояли: советницы Элеандры – в белоснежных одеяниях с серебряной вышивкой, жрицы Селены – в длинных лиловых мантиях, с факелами в руках, пламя которых отражалось в их зеркальных медальонах;

горожане – ремесленники, торговцы, дети, чьи глаза горели восторгом.

Воздух наполнился звоном колоколов. Их звук, чистый и пронзительный, сливался с криками толпы:

– Царица возвращается! Слава Элеандре! Слава Луне!

Люди бросали цветы под ноги Мрака. Лепестки роз, жасмина и белых лилий покрывали дорогу, превращая её в путь из света и аромата. Дети бежали рядом, размахивая маленькими флажками с изображением полумесяца.

Элеандра подняла меч. Лезвие вспыхнуло, отразив солнце.

– Сегодня мы не просто празднуем победу! – её голос разнёсся над толпой, заставляя сердца замирать. – Мы начинаем новую эпоху! Нэр-Ваал больше не угрожает нашим границам. Его сила – в прошлом. Но его ресурсы станут нашим будущим!

Толпа взорвалась криками. Кто-то упал на колени, кто-то начал хлопать в ладоши, кто-то затянул победную песню. У главных ворот города был возведён алтарь: чёрный камень, увенчанный серебряным полумесяцем. Рядом стояли чаши с водой, в которой плавали лепестки белых лилий, и костры, чьи языки пламени тянулись к небу.

Город ликовал: с крыш сыпались лепестки роз; из окон свисали лазурные знамёна; дети бежали рядом, выкрикивая: «Слава царице! Слава Луне!»

На площади перед дворцом был устроен пир: столы, накрытые белоснежными скатертями, блюда с жареным мясом, фруктами и мёдом, кувшины с вином, чьё ароматное облако висело над площадью.

Но Элеандра не села за стол. Она поднялась на помост и подняла руку.

– Этот день – не только праздник! – её голос перекрыл шум толпы. – Это начало!

Нэр-Ваал пал, но за горами ждут новые земли. И мы возьмём их!

Толпа взорвалась криками. Кто-то поднял кубок, кто-то ударил в барабан.

Вечером, когда пир был в разгаре, Элеандра вышла на балкон дворца. Перед ней лежал город – огни, смех, музыка. Но её взгляд был устремлён дальше, за горизонт, где темнели горы и простиралась неизведанная земля.

К ней бесшумно подошла Морриган. Её волки кружили у подножия дворца – тени среди теней, глаза светились жёлтым в сгущающихся сумерках. Сама Морриган выглядела теперь иначе: вместо дикого облачения степной провидицы на ней был длинный плащ из серебристой парчи, подбитый чёрным мехом.

На шее – цепь с лунным камнем, точно таким же, как на перстне Элеандры.

Её волосы, прежде растрёпанные ветром, были заплетены в тугую косу.

– Ты довольна? – спросила Морриган, но в её голосе не звучало сомнения – лишь ожидание приказа.

Элеандра повернула голову. В отблесках праздничных огней её лицо казалось высеченным из мрамора – холодное, безупречное.

– Я удовлетворена, – ответила она. – Нэр-Ваал сломлен. Его земли, его люди, его ресурсы теперь принадлежат Серебряным Степям.

Морриган склонила голову – не как равная, а как верная слуга.

– Что дальше, царица?

– Дальше – кочевники. – Элеандра указала вдаль, – они уже давно напросились.

Орда Шаара начала совершать набеги на пограничные стойбища Серебряных Степей, угоняя скот и захватывая пленников.

Морриган улыбнулась. Это была улыбка хищника, предвкушающего охоту.

– Я разведую обстановку. Мои волки чувят запах добычи за много миль.

Внизу, на площади, жиры зажгли огромный костёр. Его пламя взметнулось в небо, озарив лица людей. Кто-то пустился в пляс, кто-то поднял кубок, провозглашая вечную славу царице. Барабаны били в такт песням, а трубы издавали торжественные звуки, разносившиеся далеко за пределы города.

Элеандра наблюдала за этим с балкона. Её пальцы сжали каменный парапет, но лицо оставалось бесстрастным. Она знала: страх и восхищение – лучшие кирпичи для основания империи.

– Завтра мы начнём составлять карты, – сказала она, обращаясь к Морриган. —

Ты отправишься на рассвете. Возьми двадцать Воительниц и своих волков.

Мне нужны сведения: где стоят стойбища, сколько воинов, какие пути ведут к долинам.

– Всё будет исполнено, – Морриган сделала шаг назад, затем повернулась и исчезла в темноте.

Внезапно рядом раздался голос:

– Госпожа?

Это была Лира, младшая советница. Она склонилась в почтительном поклоне, держа в руках свиток.

– Донесения от пограничных постов. Разведчики сообщают: в восточных степях напряжение возросло. Шаар совсем обнаглел.

Элеандра развернула свиток, пробежала глазами по строкам. На её губах появилась холодная улыбка.

– Значит, не все ещё поняли урок. – Она свернула бумагу и протянула Лире. —

Передай командирам Воительниц: пусть не расслабляются и не расходятся по домам. Всем тренироваться. Передай жрицам Селены подготовиться к проведению ритуала.

– Как прикажете, – Лира исчезла так же быстро, как появилась.

Царица снова посмотрела вдаль. Где-то там, в темноте, Морриган уже вела своих волков к границам. Где-то там ждали новые враги, новые битвы, новые победы.

Она подняла руку. Лунный камень на её перстне вспыхнул, отражая свет костра.

– Пусть знают: я не знаю пощады.

И словно в ответ на её слова, где-то за пределами города раздался вой. Это были не волки степи. Это были волки царицы – её стража, её оружие, её тень.

Подглава. Преддверие луны

За три дня до тринадцатой ночи месяца Селены в Серебряных Степях повисла напряжённая тишина. Даже ветер, вечно гуляющий по ковыльным просторам, притих – будто замер в ожидании приказа.

В тронный зал Лунной Обители, где стены были выложены агатом и лунным камнем, вошла Элеандра IV. Её шаги звучали резко, чеканя ритм власти; тень, вытянутая пламенем светильников, следовала за ней, как верный страж. У алтаря её уже ждала Верховная жрица Лираэль – высокая, с лицом, словно высеченным из холодного мрамора, и глазами, в которых мерцали отблески грядущих событий.

– Время приближается, – произнесла Лираэль, не оборачиваясь.

Её пальцы скользили по древним рунам на свитке, будто считывали незримые знаки.

– Я разослала весточки сёстрам. Мы начали подготовку.

Элеандра остановилась в шаге от алтаря. В её взгляде не было ни тени сомнения – только сосредоточенность, как у полководца перед решающей битвой.

– Ты уверена, что тринадцатая ночь – правильное время? – голос царицы звучал ровно, без вопросительных интонаций – скорее как утверждение.

– Да, самое сильное время, – ответила Лираэль. – В эту ночь луна касается земли своим дыханием. Границы миров истончаются. Мы сможем услышать голос Селены.

В зале повисла пауза. Где-то за окнами вскрикнула ночная птица – резко, тревожно. – Ещё одно, – добавила Лираэль, понизив голос. – В эту ночь мы призовём осколок Лунного Источника. Он покажет тебе то, что скрыто даже от тебя самой. За стенами храма ветер наконец пробудился. Он ворвался в открытые окна, взметнул края льняных одеяний жрицы, заиграл с серебряной вышивкой. В его шуме чудились слова – то ли предупреждение, то ли обещание. – Через два дня ты встанешь в круг, – сказала Лираэль, глядя на звёзды, проступающие сквозь купол. – И мы помолимся Селене. Элеандра развернулась к выходу, её плащ взметнулся за спиной, как знамя грядущей победы.

Кровь и лунный огонь

Тринадцатая ночь месяца Селены. Небо налилось чернильной тьмой, а луна повисла над степью – огромная, почти пугающая, будто глаз божества, следящий за каж-

дым движением. В Лунной Обители царила тишина ожидания.

Жрицы в льняных одеяниях с серебряной вышивкой замерли у агатового круга. Их венцы из лунного камня мерцали холодным светом, а взгляды – пронзительные, бесстрастные – были прикованы к двери.

Элеандра IV вошла без предупреждения.

Её шаги отдавались гулким эхом. Она не нуждалась в сопровождении – за ней всегда следовала тень власти, невидимая, но осязаемая, как лезвие у горла. На ней – не доспехи, а простая белая рубаха, подпоясанная чёрным шнуром. Но даже в этой простотеона выглядела как оружие: прямая спина, сжатые кулаки, взгляд, не терпящий возражений

– Время пришло, – бросила она, не глядя на Лираэль. – Начинайте.

Верховная жрица склонила голову, но в её глазах мелькнул едва уловимый вызов.

– Царица, для ритуала нужно...

– Я знаю, что нужно, – перебила Элеандра, голос – как удар хлыста. – Не трать моё время. Лираэль сглотнула. Подняла хрустальный сосуд с тёмным зельем.

– Выпейте. Это очистит разум.

Элеандра схватила сосуд, вдохнула резкий запах металла и льда. Выпила одним движением, даже не поморщившись.

– Теперь – круг.

Семь жриц встали по периметру. Их руки поднялись, пальцы сплелись в замысловатых жестах. Лираэль подняла жезл с полумесяцем, и зал наполнился низким, вибрирующим пением – словно земля сама гудела под ногами.

В центре круга лежал осколок Лунного Источника – кристалл, пульсирующий изнутри призрачным огнём.

Элеандра шагнула внутрь. Пол был ледяным, но она даже не вздрогнула.

– Селена, владычица ночи, услышь нас! – голос Лираэль раскатился по залу. – Мы зываем к тебе в час, когда миры сближаются. Даруй нам свой свет!

Жрицы запели громче. Их голоса сплетались в узор, от которого воздух сгущался, а тени вытягивались, будто пытаясь дотянуться до круга. Кристалл вспыхнул.

Свет ударил в потолок, рассыпался искрами. Элеандра не закрыла глаза – она смотрела прямо в сердце огня, не моргая, не отступая.

– Кровью своей докажи, что достойна, – произнесла Лираэль, протягивая ритуальный кинжал. – Пусть капля упадёт на кристалл. Пусть он увидит твою суть.

Элеандра схватила клинок. Металл был холодным, но её ладонь горела. Она провела остриём по запястью – резко, без колебаний. Первая капля крови упала на кристалл. И тогда мир изменился. Кристалл взорвался светом – не слепящим, а пронизывающим, как тысячи лезвий.

Элеандра увидела себя – но не в отражении, а в вихре образов: вот она на троне, вот она над поверженными врагами, вот она ведёт войско в бой. Но не было страха, не было сомнений – только холодная, железная уверенность: я – власть. Я – победа.

Лираэль шагнула вперёд. Её лицо было бледным, но в глазах читалось признание.

– Луна услышала тебя. Она дарует своё благословение.

Где-то за стенами храма прогремел первый раскат грома.

Элеандра опустила руку. Кровь капала на пол, оставляя тёмные пятна, похожие на печати её воли.

– Да будет так, – сказала она, разворачиваясь к выходу. – Мы выступаем.

Глава вторая. Орда кочевников Шаара

Ветер свистел в ушах, рвал плащи, бросал в лицо колючую пыль. Три сотни Воительниц Луны неслись по степи, как смерч из стали и серебра. Впереди – Элеандра, её конь вздымал клубы пыли, а за спиной реяло знамя с лунным узором. Следом – Каэлия, её золотые волосы вспыхивали на солнце, словно второе пламя.

– Они уже видят нас! – крикнула Каэлия, пригибаясь к шее коня. – Дым над шатрами! Элеандра лишь усмехнулась. Её глаза, холодные и острые, уже выхватывали детали: суetyющиеся фигуры у колодцев, спешащие к лошадям воины, дрожащие полотнища шатров.

– Лира! – рявкнула царица, не оборачиваясь. – Пусть твои лучницы займут высоты. Никто не уйдёт.

– Будет исполнено! – отозвалась Лира, махнув рукой.

Три десятка всадниц отделились от строя, свернув к каменистым холмам. Их кони легко взбирались по склонам, а сами воительницы уже натягивали луки.

Морриган, ехавшая слева от Элеандры, принохалась:

– Запах страха. Они ещё не знают, что бежать некуда.

Её волки, серые тени у копыт, рванулись вперёд, исчезая в волнах травы.

Стойбище ожило хаосом. Кочевники хватали оружие, женщины загоняли детей в шатры, старики выкрикивали проклятия. На центральной площади уже строились всадники – десятка три, не больше. Их предводитель, высокий мужчина с татуировкой барса на щеке, поднял копье:

– Кто вы?! – его голос дрогнул, но он попытался звучать грозно. – Это земли Шаара!

Элеандра осадил коня в десятке шагов от него. Её меч медленно вышел из ножен, сверкнув, как осколок луны.

– Я – Элеандра, царица Серебряных Степей. Эти земли теперь мои. Сложите оружие – и останетесь живы.

Кочевник рассмеялся, но смех оборвался, когда за спиной царицы раздался тихий, леденящий вой. Из травы поднялись волки Морриган, их глаза горели жёлтым огнём.

– Ты думаешь, это шутка? – прошипела Морриган, выезжая вперёд. —

Мои звери голодны.

Предводитель побледнел, но не отступил. Он обернулся к своим воинам, выкрикнул:

– Не бойтесь! Их меньше! В атаку!

Свист стрел разорвал воздух. Первые лучницы Леры уже стреляли с холмов – без криков, без предупреждения. Три всадника рухнули с коней, остальные рванули вперёд, но их встретила стена щитов и мечей.

Элеандра ударила первой. Её конь взвился, а меч опустился с такой силой, что расколлот щит одного из кочевников. Кровь брызнула на траву.

– За луну! – грянул её голос.

Воительницы Луны врезались в строй врага, как нож в масло. Их доспехи сверкали, мечи пели, а кони топтали тех, кто падал. Каэлия билась рядом с царицей, её клинок двигался с холодной точностью – один удар, и ещё один кочевник валится наземь.

Лира, оставшаяся на холме, следила за флангами. Её лучницы били без промаха – стрелы находили шеи, спины, незащищённые лица.

– Вон там! – крикнула одна из её воительниц, указывая на группу кочевников, пытавшихся увести лошадей. – Они бегут!
– Пусть бегут, – холодно ответила Лира. – Волки их догонят.
И действительно, из травы вырвались серые тени. Вой, хруст костей, отчаянные крики – всё слилось в единый хор битвы.

Через полчаса стойбище было в руках Серебряных Степей. Шатры стояли разорённые, земля была залита кровью, а в воздухе витал запах железа и страха.
Элеандра, всё ещё верхом, окинула взглядом поле боя.
– Каэлия! – приказала она. – Собери пленных. Тех, кто сопротивляется – казнить. Остальных – в цепи.
Каэлия кивнула, её меч блеснул в закатном свете.
– Морриган! – продолжила царица. – Пусть волки обходят окрестности. Если где-то прячутся беглецы – найди их.
Волчица улыбнулась, её глаза сверкнули.
– С удовольствием.
Разведчица, вернувшаяся из разведки, подъехала ближе:
– На севере ещё два стойбища. Они знают о нас. Готовятся.
Элеандра подняла меч, указывая на горизонт:
– Очень хорошо, идём к ним. Пусть знают: луна не знает пощады.
Её конь рванул вперёд, а за ним, как волна, понеслись триста Воительниц Луны. Ветер рвал знамя, и оно реяло над степью, словно предвестник новой бури.

Второе стойбище

Степь пылала под полуденным солнцем – воздух дрожал, превращая дальние холмы в зыбкие призраки. Элеандра вела отряд без спешки, но с неумолимой точностью. Её конь ступал легко, будто не чувствовал тяжести брони, а за спиной царицы колыхалось знамя с лунным узором, словно холодный отблеск грядущей бури.
Каэлия, ехавшая справа, прищурилась:
– Вижу дым. Они жгут травы у валов. Пытаются ослепить нас.
– Пусть жгут, – холодно отозвалась Элеандра. – Когда их огонь догорит, останется только наш.
Морриган, чья волчья стая скользила у самых копыт, втянула воздух:
– Страх. Они знают, что мы пришли не торговаться.
Разведчица подъехала бесшумно:
– У них больше лучников, чем в прошлых стойбищах. И они ждут нас у ворот. Поставили заслон из телег, обложили хворостом. Хотят поджечь, если мы пойдём в лобовую.
Элеандра усмехнулась, её меч блеснул, поймав солнечный луч:
– Значит, мы не пойдём в лобовую. Лира!
– Слушаю, царица, – отозвалась воительница, не отрывая взгляда от стойбища.
– Твои лучницы ударят первыми. Цель – их лучники. Пусть падут до того, как успеют натянуть тетиву.
– Будет исполнено.

Стойбище раскинулось в ложбине, окружённое земляными валами и частоколом. Над воротами висел выцветший штандарт с изображением волчьей головы. У баррикад из телег толпились воины – их копья поднимались, как щетина разъярённого зверя. Предводитель – коренастый воин с седыми прядями в бороде – выехал вперёд. Его голос гремел, но в нём сквозила дрожь:

– Элеандра! Это земли Шаара! Ты не пройдёшь!

Элеандра остановила коня в двадцати шагах от него. Её голос прозвучал, как лезвие, рассекающее воздух:

– Эти земли теперь мои. А вы сами напросились, когда грабили нашу границу. Сложите оружие – и останетесь живы.

Воин рассмеялся. Он не стал тратить слова впустую. Его крик «В атаку!» разорвал напряжённую тишину, и

полсотни кочевников рванули вперёд, подняв облака пыли. Копья блестели на солнце, лошади неслись галопом, а воздух наполнился топотом копыт и боевыми кличами.

Элеандра даже не дрогнула. Её взгляд, холодный и острый, выхватывал детали: неровный строй, поспешность в движениях, страх в глазах тех, кто отставал. Она подняла меч – и триста Воительниц Луны ответили ей молчаливым согласием.

Бой закипел, превратившись в хаотичный вихрь стали и пыли. Элеандра билась в самом сердце схватки – её конь вздымался на дыбы, а меч сверкал, как молния. Один удар – и кочевник с криком валится наземь, второй – и ещё один падает, схватившись за рассечённое плечо.

– Арья! – её голос, холодный и ясный, прорезал шум битвы.

Воительницы Луны отвечали ей молчанием – их действия были быстрее слов.

Щиты сталкивались с копьями, мечи рассекали воздух, кони топтали упавших.

Каэлия, словно тень, скользила по флангу, её клинок находил бреши в строю врага с беспощадной точностью.

Лира не вступала в ближний бой – она оставалась на возвышенности, её лучницы работали как часы. Когда группа кочевников попыталась обойти их с тыла, Лира лишь кивнула – и три десятка стрел ударили одновременно, превратив бегущих в неподвижные фигуры.

Морриган не участвовала в лобовой атаке. Она повела свою стаю волков в обход, через заросли полыни. Её звери двигались бесшумно, как призраки, и появлялись там, где их меньше всего ждали. Вой, хруст костей, отчаянные крики – всё это сливалось в единый хор битвы, заставляя кочевников оборачиваться, терять строй, дрожать от ужаса. Один из воинов, пытаясь спастись, рванул к ближайшему шатру.

Но не успел он добежать – из травы выскочил волк, его клыки впились в икру, и человек с воплем рухнул на землю. Морриган наблюдала за этим с холодной улыбкой, её глаза горели жёлтым огнём.

Через час всё было кончено. Стойбище лежало в руинах – валы разрушены, частокол опрокинут, шатры пылали, отбрасывая багровые блики на окровавленную землю. Ветер разносил запах гари и железа, а в воздухе висел тяжёлый гул – смесь стонов, хрипов и отдалённых криков.

Элеандра остановилась посреди поля боя. Её доспехи были в пятнах, но лицо оставалось бесстрастным. Она медленно обвела взглядом своих воительниц – ни одной павшей, ни одной дрогнувшей. Их плащи, испачканные пылью и кровью, всё ещё реяли, как знамёна победы.

– Каэлия, – произнесла царица, её голос звучал ровно, без тени усталости. – Собери пленных. Тех, кто сопротивлялся – казнить. Остальных – в цепи. Пусть видят, как горит их дом.

Каэлия кивнула, её меч блеснул в закатном свете. Она уже направлялась к группе

кочевников, сбившихся у колодца, их руки были подняты в жесте капитуляции.

– Лира, – продолжила Элеандра, – проверь фланги. Если кто-то прячется в зарослях – найди их.

Лира молча кивнула, её лучницы уже расходились по сторонам, их глаза сканировали каждый уголок, каждую тень.

Когда последние стоны затихли, а дым от горящих шатров поднялся высоко в небо, Элеандра подняла меч. Её взгляд устремился на север, где на горизонте виднелись очертания стойбища Шаара Бесстрашного.

Подъехала разведчица:

– Там их главный вождь. Он собирает силы. Говорят, вызвал подкрепление из дальних родов.

Элеандра подняла меч, указывая на горизонт, где уже сгустились тучи:

– Я иду к тебе, – прошептала она, и её голос прозвучал как обещание бури.

Подглава Передышка перед бурей

Солнце клонилось к закату, окрашивая степь в багряные тона. Поле боя постепенно затихало: стоны раненых сменялись тяжёлым дыханием победителей, а дым от догорающих шатров медленно рассеивался в прохладном вечернем воздухе.

Элеандра остановила коня на небольшом холме, откуда открывался вид на раскинувшееся внизу стойбище – теперь уже покорённое.

– Каэлия, – её голос прозвучал ровно, без тени усталости, – распределите дозорных. Пусть следят за всеми тропами – не хочу сюрпризов от уцелевших.

Каэлия кивнула, её золотые волосы, перепачканные пылью, вспыхнули в последних лучах солнца. Она тут же отдала короткие приказы, и тридцать всадниц рассыпались по периметру, растворяясь в полумраке.

– Лира, – продолжила царица, – твои лучницы пусть обойдут окрестности.

Если кто-то прячется в зарослях – найдите их. Не оставляйте ни одного, кто мог бы донести весть до вождя Шаара.

Лира молча склонила голову. Её воительницы уже двигались вдоль кромки леса, их луки были наготове, а взгляды – цепкие, как у хищных птиц.

В лагере закипела работа. Воительницы Луны сновали между шатрами: одни тушили очаги, чтобы огонь не перекинулся на уцелевшие постройки; другие собирали оружие павших кочевников; третьи разбивали палатки для отдыха. Воздух наполнился запахами дыма, пота и свежей травы – степь возвращала себе покой после кровавой бури.

Элеандра спустилась с коня и подошла к группе пленных. Они сидели, скованные цепями, их лица были в грязи и крови, а глаза – пустые, лишённые надежды. Царица остановилась перед ними, её тень накрыла их, как холодное крыло хищной птицы.

– Вы думали, что сможете устоять против нас? – её голос был тихим,

но каждое слово звучало, словно удар клинка. – Ваши копья – пыль. Ваши крики – ветер.

Ваши жизни – лишь миг в тени луны.

Один из пленников поднял голову, его губы дрожали:

– Пощади... Мы лишь воины, мы не выбирали эту войну...

Элеандра наклонилась к нему, её глаза сверкнули:

– Война не спрашивает. Она приходит. И те, кто не готов к ней, становятся прахом.

Она отвернулась, не дожидаясь ответа. Её решение было уже принято.

– Морриган, – позвала она, и волчица тут же появилась из сумрака, её звери кружили неподалёку, словно тени. – Возьми половину своей стаи.

Отведи пленных к старым каменоломням. Там есть пещеры – пусть сидят там, пока мы не решим, что с ними делать. И смотри, чтобы никто не сбежал.

Морриган улыбнулась, её зубы блеснули в полумраке:

– Будет исполнено. Мои волки не любят, когда добыча убегает.

Когда последние цепи зазвенели вдаль, а пленные исчезли за горизонтом в окружении волков, Элеандра вернулась к своему шатру.

Внутри уже горели свечи, а на низком

столике дымился отвар из степных трав – Каэлия позаботилась о том, чтобы царица могла восстановить силы.

– Сколько у нас времени? – спросила Элеандра, опускаясь на подушки.

– Два дня, может, три, – ответила Каэлия, стоя у входа. – Вождь Шаара не станет

ждать. Он уже знает о нашем наступлении.

– Значит, мы должны быть готовы раньше, – царица взяла чашу с отваром, вдохнула пряный аромат. – Прикажи кузнецам проверить броню.

Пусть все мечи будут наточены, а щиты – крепки.

– Уже сделано, – кивнула Каэлия. – Наши оружейницы не спят с момента победы.

– Хорошо. – Элеандра закрыла глаза на миг, затем снова открыла их, взгляд был ясным, как утренний лёд.

– Лира!

Воительница появилась в дверях, её лук был перекинут через плечо, а руки – в царапинах от тетивы.

– Слушаю, царица.

– Твои лучницы должны тренироваться до рассвета. Пусть каждый выстрел будет точным, как удар сердца. Мы идём к вождю Шаара, и он ждёт нас. Но когда мы придём – он должен пожалеть о своём непокорстве.

Лира склонила голову:

– Будет исполнено.

Ночь опустилась на степь, окутав лагерь тишиной.

Лишь изредка слышался звон металла – это оружейницы работали у костров, проверяя каждый клинок, каждую пластину брони. Вдали мерцали огни дозорных, а в воздухе витал запах свежей травы и остывающей земли.

Элеандра сидела в своём шатре, её меч лежал на коленях, а взгляд был устремлён в пламя свечи. Она не спала – она думала. О том, как разбить войско Шаара, как заставить его склониться. Её пальцы сжимали рукоять меча, а в глазах отражался огонь – холодный, беспощадный, неумолимый.

За дверью послышался шорох. Каэлия вошла, неся поднос с едой.

– Ты не ешь, – сказала она тихо. – Это не сделает тебя сильнее.

– Сила не в пище, – ответила Элеандра, не отрывая взгляда от пламени. – Сила в воле.

В том, чтобы видеть цель и идти к ней, несмотря ни на что.

Каэлия поставила поднос на стол, но не ушла. Она стояла рядом, молчаливая, как тень, готовая служить, защищать, сражаться.

– Мы покажем Шаару, что значит встать на пути Серебряных Степей – произнесла царица наконец. – Её голос прозвучал, как клятва.

Рассвет над степью

Ночь медленно отступала, уступая место бледно-розовым отблескам зари. Степь дышала прохладой, а трава блестела от росы, словно усыпана россыпью крошечных зеркал.

В лагере Серебряных Степей царила редкая для военных походов тишина – ни лязга мечей, ни команд, ни тревожных сигналов дозорных. Только мерный стук копыт да тихий шелест ветра в полотнищах шатров.

Воительницы отдыхали: кто-то спал, завернувшись в плащ, кто-то точил клинок, проверяя его на свет, а кто-то просто сидел у костра, вслушиваясь в ночные звуки степи. В воздухе пахло дымом, травами и свежестью – предвестием нового дня.

Каэлия, не смыкавшая глаз всю ночь, обошла лагерь в последний раз. Её взгляд скользило спящим, по дозорным, по кучам оружия, приготовленного к осмотру. Удовлетворённо кивнув, она направилась к шатру царицы, но остановилась, заметив, что полог слегка колышется. Элеандры внутри не было.

Царица стояла у реки – узкой, стремительной, с серебристой водой, отражавшей первые лучи солнца. Её фигура, обнажённая, казалась вырезанной из лунного света: стройная, с плавными линиями плеч и спины, с волосами, рассыпавшимися по плечам, как тёмная река. Она не спешила войти в воду – сначала замерла на берегу, вдыхая прохладный воздух, слушая, как шепчет трава, как журчит вода, как вдали кричит ночная птица, прощаясь с тьмой.

Шаг – и ступни коснулись ледяной воды.

Элеандра не вздрогнула, лишь слегка напряглись мышцы, когда холод обжёг кожу. Она шла медленно, позволяя воде подниматься всё выше, пока та не достигла талии. Тогда она остановилась, запрокинула голову, закрыв глаза, и на миг стала не царицей, не воительницей, а просто женщиной – свободной, как ветер, как река, как рассвет. Вода ласкала её тело, струилась по коже, смывая пыль, пот, следы крови. Капли стекали по спине, по бёдрам, по рукам, оставляя блестящие дорожки. Волосы, тяжёлые от влаги, прилипли к плечам. Элеандра погрузилась глубже, почти до подбородка, и лишь тогда открыла глаза.

Перед ней расстилалась степь – бескрайняя, молчаливая, величественная.

Она нырнула, и вода поглотила её целиком, унесла прочь все мысли, все тревоги, все образы вчерашнего боя. Лишь тишина, холод и свет. Когда она вынырнула, воздух ударил в лицо, свежий, чистый, как первый вдох новорождённого.

Элеандра вышла из реки неспешно, капли стекали с её тела, а кожа розовела от холода. Она не торопилась укрыться – наоборот, стояла, подставив лицо утреннему солнцу, позволяя ему согреть её, высушить волосы, пробудить каждую клеточку.

Вдали послышалось движение. Элеандра обернулась – из-за холмов вынырнули фигуры: Морриган и её волки. Они двигались слаженно, как единое целое, их тени скользили по траве, а глаза блестели в рассветном свете.

– Вернулись, – тихо произнесла царица, не спеша прикрыться.

Морриган остановила коня в нескольких шагах, её взгляд скользнул по обнажённой фигуре Элеандры, но в нём не было ни удивления, ни смущения – лишь уважение и лёгкая усмешка.

– Каменоломни надёжны, – доложила она, спрыгивая с седла. – Пленные заперты, волки сторожат. Никто не уйдёт.

– Хорошо, – кивнула Элеандра. – Отдохни. Сегодня нам нужны силы.

Морриган лишь усмехнулась, бросив взгляд на реку:

– Ты всегда выбираешь воду на рассвете.

– Она очищает, – просто ответила царица. – Не только тело, но и дух.

Волки, тем временем, разбрелись по лагерю – одни легли у костров, другие начали обходить дозорных, проверяя их бдительность. Морриган сняла плащ, потянулась, разминая плечи, и бросила:

– Я принесу тебе одежду.

Элеандра не ответила – она снова повернулась к реке, наблюдая, как солнце поднимается выше, заливая степь золотым светом.

Когда Морриган вернулась с чистым плащом и туникой, царица оделась. Её движения были плавными, почти ритуальными – каждое касание ткани к коже словно закрепляло в ней новую силу, новую решимость.

- Завтракаем? – спросила Морриган, протягивая ей сушёное мясо и хлеб.
- Да, – ответила Элеандра, принимая еду. – Потом – проверка оружия. Потом – план. Они сели на траву, спиной к реке, лицом к лагерю. Вокруг просыпались воительницы, звенели мечи, раздавались тихие команды. День начинался.

Подглава. Вождь Шаара

Середина третьей луны. Степь дышала жаром и пылью – уже десять дней войско Элеандры преследовало вождя кочевников Шаара. Ветер скрывал их следы, ночные атаки изматывали воительниц: то внезапный ливень стрел из темноты, то стремительный налёт конницы, исчезающей в вихре пыли прежде, чем успеешь схватиться за меч.

На пятый день погони царица собрала совет у походного костра. Её лицо, измученное бессонницей, оставалось бесстрастным.

– Они думают, что мы теряем силы, – произнесла она, глядя в пламя. – Мы покажем им, что это они заблудились в наших тенях.

План родился за час. По приказу Элеандры триста костров разложили по кругу – на расстоянии, которое кочевники не могли точно оценить в темноте. Между кострами расставили чучела в доспехах, а лучницы Леры заняли позиции на возвышенностях, готовые обрушить дождь стрел на любого, кто приблизится.

К полуночи степь превратилась в огненное море. Кочевники, наткнувшись на мерцающие огни, замерли. Их разведчики донесли: лагерь огромен, пеших воинов не счесть, конница растянулась на мили.

Вождь племени, Шаар-Бесстрашный, сидя на вороном жеребце, всматривался в пляшущие огни. Его воины шептали: «Это не войско – это дух степи пробудился».

– Отходим к Кургану Шаара, – приказал вождь. – Там мы встретим их лицом к лицу.

Элеандра, наблюдавшая за манёврами с холма, улыбнулась.

– Они сами ведут нас к победе.

Курганный холм возвышался над равниной – древнее место, где шаары хоронили вождей. На его склонах уже строились кочевники: тысячи всадников, лучников, пеших бойцов с кривыми саблями. В центре, под знаменем с изображением барса, стоял

Шаар – высокий, с гривой седых волос, перевитых кожаными шнурами. Его доспехи из костяных пластин и бронзы сверкали в утреннем свете.

Элеандра выехала вперёд на Мраке – её чёрный скакун бил копытом, чуя запах крови. За ней стройно двинулись Воительницы Луны: триста всадниц в бронзовых доспехах, в алых развевающихся плащах. Их мечи, выкованные в древних кузнях Храма Селены, блестели холодным огнём.

– Сегодня мы не просто победим, – крикнула царица, поднимая клинок. – Мы сотрём их память о свободе!

Битва началась с залпа стрел. Лира и её лучницы ударили первыми – десятки кочевников упали, не успев натянуть тетивы. Затем конница Элеандры рванулась вперёд, разбившись на три волны: первая – с копьями наперевес, вторая – с мечами, третья – с луками для дальнего боя.

Степь наполнилась звоном стали, криками, ржанием коней. Шаары бились яростно: их лёгкие всадники кружили вокруг тяжёлых доспехов воительниц, пытаясь найти брешь. Один из вождей прорвался к Элеандре – его сабля чиркнула по её наплечнику, но царица развернула Мрака, ударила клинком в горло и, не сбавляя хода, поскакала дальше.

К полудню битва превратилась в хаос. Воительницы Луны держались строем, их мечи рубили без устали. Но кочевники не сдавались – их численный перевес начинал сказываться. В рядах царицы появились раненые.

– Стянуть силы к центру! – приказала Элеандра. – Пусть Шаар увидит, кто хозяин степей! Она направила Мрака прямо к знамени с барсом.

Шаар заметил её приближение. Его глаза, узкие и холодные, вспыхнули гневом. Он поднял боевой топор – древнее оружие, украшенное когтями барса, – и ринулся навстречу.

Их столкновение было подобно удару молнии. Мрак вздыбился, едва не опрокинув кочевника; Элеандра парировала удар топора, её меч скользнул по бронзе доспехов Шаара, оставив глубокую царапину.

– Ты пришла умирать, царица? – проревел вождь, нанося новый удар.

– Я пришла забрать твоё знамя, – ответила она, уклоняясь и вонзая клинок в плечо противника.

Кровь брызнула на траву. Шаар зарычал, но не отступил – его топор описал дугу, целясь в голову Элеандры. Она заблокировала удар щитом, затем резко развернула коня, ударив Шаара в бок. Тот пошатнулся, но устоял, схватив царицу за плащ.

В этот момент три Воительницы Луны окружили их, отгоняя кочевников, пытавшихся помочь вождю. Элеандра вырвала меч из ножен на спине – короткий, острый, как жало – и всадила его в незащищённое место между пластинами доспехов Шаара.

Вождь замер. Его топор выпал из рук. Он посмотрел на царицу – в его взгляде не было страха, только удивление.

– Так... просто? – прошептал он.

– Так быстро, – ответила Элеандра и выдернула клинок.

Тело Шаара рухнуло на траву.

Над полем боя повисла тишина – на миг.

Затем кто-то из кочевников закричал: «Вождь пал!» Знамя с барсом дрогнуло, опустилось, а потом и вовсе исчезло в толпе. Конница Шаара дрогнула. Сначала один отряд повернул коней, затем другой. Через минуту степь заполнилась топотом убегающих всадников. Часть вождей, видя гибель предводителя, бросили оружие, поднимая руки в знак капитуляции.

Элеандра подняла штандарт Барса – тяжёлое полотнище с золотой вышивкой. Ветер подхватил его, развернул над полем.

– Это наш трофей, – сказала она, обращаясь к Воительницам Луны. – Но не последний.

Её взгляд устремился вдаль – туда, где за горизонтом лежали ещё непокорённые земли.

Солнце опускалось, окрашивая степь в багряные тона. Алые плащи воительниц сливались с закатом, а мечи, ещё влажные от крови, сверкали, как звёзды.

Погоня сквозь пыль

Элеандра опустила штандарт Барса. В воздухе висел запах крови, пота и выгоревшей травы. Вокруг – то стоны раненых, то отрывистые команды лекарей, то звон стали: воительницы проверяли оружие, стягивали ремни, затягивали повязки.

– Они бегут, – произнесла Лира, подъезжая на взмыленном коне.

Её лук был пуст, плащ изодран, но глаза горели. – Разбредаются по степи, как овцы без пастуха.

Элеандра кивнула, не отрывая взгляда от исчезающих в пыли силуэтов.

– Овцы не опасны. Но стая волков, потерявшая вожака, – вдвойне опасна.

Они соберутся. Найдут нового предводителя. И тогда мы получим десять Шааров вместо одного.

– Что прикажешь? – спросила Лира, сжимая рукоять меча.

– Догнать. Разбить. Истребить или взять в плен – по обстоятельствам.

Через час три отряда Воительниц Луны уже неслись по следу беглецов. Впереди – разведчицы на лёгких скакунах, за ними – основная конница, а позади – обоз с запасными луками, стрелами и водой.

Степь раскинулась бескрайней равниной, где каждый холм мог скрывать засаду, а каждая ложбина – ловушку. Ветер поднимал пыль, затрудняя обзор, но воительницы знали: кочевники устали, их кони выдохлись, а страх гнал их без разбора.

На второй день погони разведчицы доложили:

– Видим их. У русла высохшего ручья. Пытаются перегруппироваться.

Элеандра подняла руку. Строй замер. Она сошла с Мрака, опустилась на колено, провела пальцами по земле.

– Здесь они остановятся. Здесь мы их сломаем.

Бой начался на закате.

Кочевники, собравшиеся у русла, успели выстроить заслон из лучников и пеших бойцов. Их вожди – те, кто уцелел после Кургана Шаара, – пытались вдохновить воинов криками и угрозами. Но в их глазах читалась неуверенность.

Элеандра не стала ждать.

– Лира, твои лучницы – на фланги. Пусть выбьют их стрелков. Карелия, ты с пехотой – в центр. Не дайте им сомкнуть ряды. Я возьму конницу – и ударю туда, где они слабее всего.

Свист стрел разорвал тишину. Лира и её лучницы, заняв позиции на холмах, обрушили на кочевников град оперённых смертей. Первые ряды пали, не успев натянуть тетивы.

Затем пехота Калерии рванулась вперёд, щиты сомкнулись, мечи засверкали в угасающем свете. Царица повела конницу в обход. Её алый плащ пылал, как знамя, а меч, обгрённый ещё в прошлой битве, рассекал воздух с холодным свистом.

Один из вождей – молодой, с татуировкой барса на щеке – бросился ей навстречу.

Его сабля сверкнула, но Элеандра уклонила, ударила в бок, затем развернула Мрака и добила противника точным ударом в шею.

– Это не война, – прошептала она, глядя на падающее тело. – Это уборка.

К полуночи всё было кончено.

Поле усеяли тела. Некоторые кочевники лежали молча, другие стонали, третьи – ползли к воде, оставляя кровавые следы. Воительницы Луны проверяли раненых: тех, кто поднимал руки в знак капитуляции, связывали; тех, кто пытался сопротивляться, добивали без колебаний.

Лира подъехала к царице, её доспехи были покрыты пылью и кровью.

– Пленных – около двух сотен. Остальные... – она кивнула на поле. – Больше не поднимутся.

Элеандра окинула взглядом равнину. Вдали, на фоне звёзд, виднелись огни – это обоз с припасами приближался к месту боя.

– Разделите их на две группы. Первая – те, кто может пригодиться. Вторая – те, кого можно продать в рабство. – приказала она.

Пленных для продажи связали и передали каравану торговцев, ожидавших неподалёку. За них дадут золото, зерно, оружие – всё, что нужно для продолжения похода.

Первая же группа состояла из разных пленников – тех, кто отказывался сдаваться, кто бросал проклятия и хватался за ножи, – отвели в сторону.

Элеандра наблюдала за этим молча. Её лицо оставалось бесстрастным, а рука – на рукояти меча.

– Вы – тень прошлого, – сказала она, обращаясь к обречённым. – А я – будущее.

Клинок сверкнул в утреннем свете.

Когда последний стон затих, царица повернулась к своим воительницам.

– Мы очистили степь. Но это лишь начало. Впереди – новые земли, новые враги.

И мы возьмём их.

Её голос звучал как приказ самой судьбы. Воительницы Луны ответили ей единым рёвом:

– За Элеандру! За Луну!

К ней подъехала разведчица – Ирис, та самая, что ещё вчера первой заметила скопление беглецов у высохшего русла. Её лицо было в пыли, но глаза горели.

– Госпожа, – она склонила голову, – там ещё два последних стойбища. Первое – в трёх лигах к востоку. Палатки из выделанных шкур, много коней, видны дозоры. Второе – дальше, за холмами. Племя Клыка. Они знают о нашей победе. Готовятся.

Элеандра кивнула, не отрывая взгляда от горизонта.

– Значит, не бегут. Собираются. Хотят показать зубы. Хорошо, навестим их.

Ночной марш

Луна поднялась высоко, заливая степи серебром. Воительницы Луны не знали усталости: их доспехи, лёгкие и прочные, не сковывали движений, а сердца горели азартом победы. За ними, как мрачная процессия, следовали пленные – десятки мужчин, скованные одной цепью. Тех, кто падал от слабости, оставляли мёртвыми на дороге: слабые не имели права жить в царстве Элеандры.

Лагерь кочевников Шаара спал, окутанный дымом костров и тихим храпом. Но тишина рухнула в одно мгновение.

– Арья! – скомандовала атаку Элеандра.

Воительницы ворвались в лагерь, как вихрь. Мечи сверкали в лунном свете, превращая сон в кровавый кошмар. Мужчины вскакивали, хватались за оружие, но падали, не успев даже вскрикнуть. Женщины-воины не знали жалости: их удары были точны, движения – стремительны. Морриган неслась впереди, её клыки рвали глотки, а когти вспарывали животы. Она не просто убивала – она демонстрировала.

Элеандра нашла шатёр предводителя – огромный, украшенный шкурами и перьями. Внутри сидел старик с седыми косами, его руки сжимали посох с черепом на конце.

– Ты опоздала, царица, – прошептал он. – Кровь Шаара не исчезнет.

– Уже исчезла, – ответила Элеандра и вонзила Лунный Клык ему в сердце.

К рассвету лагерь был взят. Живыми остались лишь те, кто не сопротивлялся. Среди них выбрали крепких мужчин с широкими плечами, женщин с сильными руками. Слабых, больных, стариков – не брали. Их судьба была решена молчанием.

– Краткий привал, заковать пленных в цепь! – приказала Элеандра.

Каэлия кивнула, уже раздавая распоряжения. Лира, всё ещё с окровавленным кинжалом в руке, осматривала добычу: оружие, украшения, припасы.

Элеандра подняла меч, указывая на восток, где уже розовело небо.

– Последнее стойбище ждёт нас.

Морриган подошла к ней, её шерсть была в крови, но глаза светились удовлетворением.

Элеандра погладила волчицу по голове.

– Хорошая охота, сестра. И это только начало.

Подглава. Харзак Гром-Рука

Второе стойбище встретило их иначе.

Здесь знали. Здесь готовились. Палатки стояли плотным кольцом, между ними — костры, у костров – вооружённые воины. На возвышении, у центрального шатра, стоял вождь – огромный, как скала, с обнажёнными плечами, покрытыми татуировками-змеями, извивающимися в тусклом свете. Его руки, массивные, с вздутыми венами, сжимали двуручный топор.

– Харзак Гром-Рука, – прошептала одна из воительниц. – Говорят, он вырвал язык пленному воину зубами. Говорят, его кровь – яд.

Элеандра улыбнулась.

– О, значит, будет интересно.

Бой начался с залпа стрел.

Лучницы Лиры ударили первыми – но кочевники были готовы: щиты поднялись, стрелы отскочили, а в ответ полетели огненные дротики. Один из них вонзился в плечо воительницы справа от Элеандры – она упала молча, лишь пальцы сжали траву.

Харзак взревел – звук был подобен раскату грома – и бросился вперёд. Его топор крушил всё на пути: щит разлетался в щепы, шлем проминался, как лист бумаги. Он шёл, как буря, оставляя за собой кровавый след.

– В кольцо! – крикнула Элеандра. – Не дать ему развернуться!

Воительницы Луны сомкнули строй. Щиты – вперёд, копья – на уровень груди, мечи – наготове. Харзак врезался в них, как волна в скалу, но не смог пробить. Его топор застрял в щите одной из воительниц – и в тот же миг три копья вонзились в его бок.

Он зарычал, вырвал топор, ударил снова – один из клинков сломался, другой отлетел, третий остался в его руке. Но его напор ослабел.

– Взять его! – приказала царица.

Четверо воительниц бросились вперёд, накинули ремни из закалённой кожи – те, что выдерживали натяжение боевого лука. Харзак бился, рвал их зубами, но связки держали. Его повалили, скрутили, прижали к земле.

Он лежал, тяжело дыша, кровь струилась по татуировкам, но глаза – холодные, змеиные – не потухли.

– Ты думаешь, это конец? – прохрипел он, глядя на Элеандру. – Ты думаешь, я один?

– Конечно, конец, – ответила она, опускаясь на колено. – Ты не знал? Кочевники уже пали.

Она подняла его топор – тяжёлый, с зубринами, покрытый ещё не засохшей кровью.

– Этот клинок убьёт ещё многих. Но больше не по твоей воле.

Харзак рассмеялся – хрипло, жутко, как будто внутри него ворочался зверь.

– Ты не знаешь, кто мы. Ты не знаешь, откуда мы пришли. Ты думаешь, ты победила?

– Победила, – повторила Элеандра, поднимаясь. – И не только тебя.

Его увели.

Харзака связали крепче, чем остальных: ремни обвили запястья, лодыжки, грудь, даже

шею. Его вели между рядами воительниц, и те невольно отступали – не от страха, а от ощущения, что этот человек не сломен. Что он ждёт.

Лира подошла к царице.

– Что с ним делать? Он опасен. Даже связанный.

– Оставим его живым, – сказала Элеандра. – Пусть смотрит. Пусть видит, как мы взяли их земли, как ломаем их волю.

Царица посмотрела на удаляющуюся фигуру Харзака – огромного, окровавленного, но не согнутого.

Пыль ещё висела в воздухе над разрушенным стойбищем – словно степь не могла сразу смириться с тем, что здесь только что оборвалась жизнь целого рода. Элеандра стояла на холме, её плащ едва колыхался от слабого ветра.

Внизу, среди обугленных шатров и разбросанного оружия, её воительницы собирали трофеи и связывали последних сопротивлявшихся. Победа была полной.

Каэлия подъехала молча, остановив коня в шаге от царицы. Её доспехи были в подтёках крови, но взгляд оставался ясным.

– Всё кончено, царица, – сказала она.

Элеандра кивнула, не отрывая взгляда от горизонта.

– Морриган!

Волчица появилась из-за спины, её звери кружили неподалёку, приюхиваясь к запахам смерти и дыма.

– Возьми половину стаи. Отправляйся к каменоломням. Приведи тех пленных обратно.

Объедини их с теми, что мы взяли сегодня. Пусть их будет много – это покажет силу Серебряных Степей.

Морриган улыбнулась, её глаза блеснули:

– Будет исполнено.

Она вскочила на коня, махнула рукой – и через мгновение её силуэт растворился в облаке пыли, сопровождаемый серыми тенями зверей.

Передышка

В лагере закипела работа. Лира расставляла дозорных, её лучницы проверяли стрелы и луки – привычка, выработанная в сотнях боёв.

Каэлия следила за тем, как оружейницы чистят и смазывают мечи, а разведчица Айрис, вернувшись с разведки, докладывала:

– Тропы свободны. Никто не идёт на помощь Шаару. Они сломлены.

Элеандра села у костра, её пальцы скользнули по рукояти меча.

– Три дня отдыха, – произнесла она, не поднимая глаз. – Пусть воительницы наберутся сил. Пусть кони поедят свежей травы. Пусть каждый из нас вспомнит, что значит дышать без боя.

Каэлия склонила голову:

– А потом – домой?

– Да. Серебряные Степи ждут нас.

На второй день отдыха лагерь ожил непривычной тишиной.

Воительницы смеялись у костров, чинили доспехи, рассказывали истории. Кто-то играл в кости, кто-то пел – тихо, почти шёпотом, как поют те, кто слишком долго молчал.

Войско приходило в себя после множественных боёв. Лагерь отдыхал.

Но не все в лагере были спокойны.

Среди скованных цепью мужчин выделялся один – огромный, с плечами, покрытыми татуировками-змеями, извивающимися, словно живые. Харзак. Он не опускал взгляда, даже когда к нему приближались стражники. Его глаза горели яростью, а мускулы напрягались при каждом движении.

Когда Лира прошла мимо, проверяя посты, он вдруг резко рванулся вперёд, насколько позволяли цепи, и прорычал:

– Вы думаете, это конец? Шаар не умирает. Мы вернёмся.

Лира остановилась, её рука легла на рукоять меча, но она не стала угрожать.

Вместо этого она наклонилась к нему, её голос прозвучал тихо, но твёрдо:

– Ты можешь верить во что угодно. Но пока ты в цепях, твои слова – лишь ветер.

Харзак оскалился, но не ответил.

К вечеру вернулась Морриган. Её волки шли рядом, их шерсть была в пыли, но глаза – ясные, голодные. За ними тянулась длинная вереница пленных – сотни мужчин, скованных одной цепью, с потупленными взглядами и ссадинами на ногах.

– Все здесь, – доложила она, прыгивая с коня. – Никто не сбежал.

Мои звери следили за каждым.

Добыча

Элеандра окинула взглядом трофеи, захваченные у кочевников Шаара. Каждый предмет был не просто вещью – он был знаком её власти. Среди груды оружия особенно выделялись топоры с лезвиями из закалённой бронзы. Их рукояти, обмотанные вощёной кожей, ложились в ладонь как живые. На лезвиях извивались гравированные змеи – не украшение, а предупреждение: удар такого топора разрывал плоть, как бумагу.

Рядом лежали копья с наконечниками в форме листьев. Их выковывали по древним технологиям – остриё пробивало даже самые крепкие доспехи. А чуть поодаль – луки из изогну-

того тиса, тетивы из жил быка. Они били на сотню шагов, и стрела, выпущенная из такого лука, могла пронзить всадника насквозь.

Доспехи сверкали в утреннем свете: нагрудники из многослойной кожи, усиленные бронзовыми пластинами в форме волчьих морд; наручи и поножи с инкрустацией из лунного камня – лёгкие, но непробиваемые. Шлемы с рогами, украшенные перьями, носили военачальники – чтобы враги видели их издалека и дрожали.

Среди трофеев блестели и драгоценности: ожерелья из золотых монет с выгравированными символами Шаара, перстни с чёрными опалами, браслеты из слоновой кости, инкрустированные бирюзой. А ещё – диадемы с рубинами, похожими на капли застывшей крови.

Но были и иные сокровища – те, что будили не жадность, а жажду зрелищ. Барабаны из кожи быка, натянутой на деревянные рамы, издавали гулкой, животный ритм, от которого кровь вскипала в жилах. Флейты из кости орла пели пронзительно, словно души павших. А лютни с корпусами из чёрного дерева и струнами из жил могли как утешить, так и довести до безумия.

И, конечно, припасы: мешки с сушёным мясом и вяленой рыбой, бочки с крепким вином, настоящим на травах, горшки с мёдом и орехами. Всё это – добыча, которая укрепит мощь Серебряных Степей.

Нокт

Юная Лира в последний раз осматривала поселение.

Её внимание привлёк странный звук – низкий, утробный рык, доносившийся из загоради для скота. Она подошла ближе и увидела в железной клетке закованного огромного ягуара с шерстью цвета полуночи и глазами, горящими зелёным огнём. Зверь прижался к земле, но не от страха – от ярости. Его когти царапали землю, а зубы оскалились в беззвучном предупреждении.

Лира замерла. Она знала: это не обычный зверь. Это был дух-хранитель, из тех, о ком рассказывали легенды.

– Я не обижу тебя, – тихо произнесла она. – Хочешь пойти со мной?

Ягуар принюхался, его уши дрогнули. Он сделал шаг вперёд, затем ещё один. Лира не шевельнулась. Она протянула руку между прутьями, и зверь, после мгновения колебаний, ткнулся носом в её ладонь. На одном из трупов врага Лира нашла ключ от клетки и цепи и освободила ягуара.

– Я назову тебя Нокт – прошептала она («Ночь»). – Ты будешь моим щитом и моим мечом. Ягуар издал низкий, одобрителный рык.

Подглава Пир в отблесках костров

Элеандра снова осмотрела добычу: сотни крепких мужчин, готовых к труду; оружие и доспехи, которые пополнят арсеналы Серебряных Степей; драгоценности, которые украсят дворцы царицы; музыканты, чьи песни будут звучать на пирах; повозки с продовольствием.

– Это лишь начало, – произнесла Элеандра, глядя на горизонт, где уже загорались первые звёзды. – Скоро все племена склонятся перед Серебряными Степями.

Морриган подошла к ней, её глаза светились удовлетворением. Лира, стоя рядом с Ноктом, улыбнулась. Ягуар прижался к её ноге, словно говоря: «Я с тобой».

Элеандра, восседая на вороном скакуне, подняла руку. Войско замерло, словно единый живой организм, приученный к молниеносному послушанию. Лишь ржание коней и треск факелов нарушали тишину, будто природа сама затаила дыхание.

– Слушайте меня! – её голос, как лезвие, разрезал гул толпы.

Тишина опустилась мгновенно. Царица обвела взглядом своих воительниц – усталых, окровавленных, но сияющих от победы.

– Вы славно потрудились в эти дни, – произнесла она, и в её глазах вспыхнули отблески закатного огня. – Сегодня пируем! Отдыхайте.

– Элааар! – ликующий крик воительниц поплыл над степью.

Костры зажглись, как звёзды, упавшие на землю. Пламя взметалось к тёмнеющему небу, бросало причудливые тени на лица, превращало обыденность в мистирию. Воительницы расставляли низкие столы из грубо сколоченных досок, расстилали ковры, привезённые из захваченных поселений. Воздух наполнялся запахом жареного мяса, хмельного вина и горячего хлеба.

Слуги, отобранные из пленных за ловкость рук, метались между кострами. Они жарили на вертелах туши баранов, резали сыр и хлеб, разливали вино из бочек в медные кубки. Их движения были точны, взгляды – опущены. Никто не смел задержать взгляд на госпоже, никто не осмеливался заговорить без приказа.

Каэлия, правая рука царицы, скользила между кострами, словно тень. В её золотых волосах отплясывали языки пламени. Её взгляд, острый как кинжал, замечал всё: кто медлит с подносом, кто осмелится поднять глаза, кто шепчется в темноте. Она не говорила много – лишь бросала короткие приказы, и каждый знал: послушаться нельзя.

– Велк, – бросила она одной из надсмотрщиц, указывая на пленного, что слишком медленно тащил дрова. – Пусть его накормят после всех.

Вокруг лагеря, словно живые стены, расхаживали стражи. Волки Морриган – десять чудовищных тварей с янтарными глазами, чьи клыки блестели в свете костров. Нокт, ягуар Лиры, прижался к её ногам, но уши его подрагивали, лоя каждый шорох. Дозорные из числа Воительниц, вооружённые луками и короткими мечами, несли вахту, их силуэты тонули в пляшущих отблесках пламени.

Пленные сидели у отдельных костров. Их молчание было густым, как дым, – в нём таились ненависть и страх. Они знали: этот пир не для них. Они – лишь фон, напоминание о победе.

Когда тьма окончательно окутала степь, Элеандра взошла на невысокий помост. В руках её сверкал Лунный Клык – меч, обагрённый кровью врагов. Пламя костров отражалось в лезвии, превращая его в язык огня.

– Элааар! – выкрикнула она победный клич, он же – поздравление войска с победой.

Войско ответило хором, ударяя мечами о щиты. Звук раскатился по степи, будто громовой раскат, заставил вздрогнуть даже волков. И тогда началось.

Вино лилось рекой. Медные кубки наполнялись снова и снова. Женщины смеялись, перебрасывались шутками, вспоминали удачные удары в бою. Кто-то ел с ножей,

кто-то – руками, не стесняясь сока, стекающего по запястьям. Мясо дымилось на блюдах, аромат его смешивался с запахом дыма и вина, кружил головы.

Музыка звучала – пленные музыканты, отобранные за мастерство, играли на лютнях и барабанах. Их мелодии – то ликующие, то заунывные – сплетались с гулом голосов, с треском дров, с далёким воем волков. Кто-то подхватывал песни о победах, о лунных богинях, о силе женщин, правящих этой землёй.

Ли́ра сидела у костра рядом с Ноктом. Ягуар урчал, когда она проводила пальцами по его чёрной шерсти. Девушка смотрела на огонь, и в его пляшущих языках ей виделись завтрашние заботы: как будут распределять рабов, как она выберет слуг для ухода за зверем, как проверит добычу, чтобы отобрать лучшее для своего отряда. Но сейчас она позволяла себе расслабиться, вдохнуть запах победы, почувствовать тепло вина в груди.

Каэ́лия подошла к Элеандре, склонила голову:

– Все в порядке. Войско отдыхает, лагерь под охраной. Пленные под надзором.

– Хорошо, – кивнула царица, глядя в пламя. – Пусть сегодня они забудут о страхе. Завтра напомним.

Когда вино разгорячило кровь, а песни постепенно утонули в глухом, властном ритме барабанов, среди костров началось движение. Сначала – едва уловимое, словно дрожь воздуха над пламенем. Потом – чёткие шаги, перестук браслетов, шелест кожаных доспехов.

Воительницы Луны поднимались одна за другой. Их глаза блестели в отсветах огня, лица пылали от вина и азарта. Кто-то сбросил плащ, кто-то размотал повязку на руке – и вот уже десятки женских фигур выстроились полукругом у главного костра.

Барабаны били всё чаще. Звук шёл из темноты – там сидели пленные музыканты, их пальцы дрожали на мембранах, но ритм они держали безупречно. Это был древний ритм, рождённый в этих степях задолго до правления Элеандры – ритм битвы, ритм крови, ритм луны.

Первая воительница шагнула вперёд. Её движения были резкими, как взмах клинка: руки взметнулись вверх, затем резко опустились, корпус повернулся с хрустом суставов. Она не танцевала – она сражалась с тенями, с воспоминаниями, с самой судьбой. Её ноги выбивали дробь по земле, оставляя лёгкие следы в пыли.

За ней последовали другие. Танец разрастался, как пламя, охватывающее сухую траву. Движения сливались в единую волну – то стремительную, то замирающую на миг, чтобы тут же взорваться новой энергией. Резкие выпады руками напоминали удары мечом, круговые повороты – уклонение от стрелы, притопывания – отголосок конского галопа, а взмахи волосами – тень развевающегося боевого стяга.

Их тела были оружием, а танец – его песней.

Костры окрашивали сцену в невероятные тона. Золото вспыхивало, когда пламя озаряло медные браслеты и нашивки на доспехах. Багрянец ложился на раскрасневшиеся щёки и алые повязки. Чёрный проступал в контрасте с тенями, которые металась по земле, повторяя каждый жест. Кто-то из воительниц носил перья, снятые с вражеских шлемов – они трепетали при каждом движении, создавая иллюзию полёта. Другие украсили волосы серебряными нитями, и те сверкали, как звёзды, в моменты резких взмахов головой.

Этот танец не был плавным – он был прерывистым, как дыхание после боя. В нём не было грации придворных балерин – только чистая сила, только правда битвы. Сжатые кулаки резко выбрасывались вперёд, корпуса наклонялись, будто уходя от удара. Внезапные замирания сменялись взрывной энергией следующего движения. Взгляды были устремлены в пустоту – каждый видел перед собой своего врага. Иногда кто-то вскрикивал – негромко, гортанно, – и этот звук тонул в грохоте барабанов.

В какой-то момент танец превратился в вихрь. Воительницы двигались всё быстрее, их тени сплетались в единый силуэт, напоминающий многорукое божество войны. Пламя костров взметнулось выше, будто подстёгиваемое их энергией.

Одна из них – высокая, с седыми прядями в чёрных волосах – вдруг выхватила меч. Лезвие сверкнуло, отражая огонь, и она продолжила танец уже с оружием в руках. Её движения

стали ещё резче, ещё опаснее: клинок свистел в воздухе, удары меча о щит (кто-то успел подхватить его из кучи добычи) звучали как барабанная дробь, круги и восьмёрки лезвия рисовали в темноте невидимые руны победы.

Остальные подхватили ритм. Кто-то тоже достал оружие – ножи, короткие мечи, боевые топоры. Теперь танец стал ещё более пугающим и прекрасным одновременно: сталь пела, огонь плясал, а женщины двигались в едином порыве, будто одержимые духом битвы. И вдруг – тишина.

Барабаны смолкли. Воительницы замерли в разных позах: кто-то с мечом, поднятым к небу, кто-то – припав к земле, кто-то – с запрокинутой головой, будто пьёт звёздный свет. Их дыхание было тяжёлым, но лица сияли.

Элеандра, наблюдавшая за танцем с помоста, подняла кубок:

– Элаааар!

Войско ответило громовым хором. Костры вспыхнули ярче, словно приветствуя эту победу – не только над врагом, но и над самим страхом, над усталостью, над временем.

А потом смех, новые песни, звон кубков – пир продолжился. Но этот танец остался в памяти каждого: как символ силы, как гимн жизни, как обещание – завтра будет новый бой, и они снова выйдут на него с гордо поднятыми головами.

Костры горели до рассвета.

Кто-то из Воительниц уже спал, завернувшись в плащ, кто-то продолжал пить, кто-то пел песни о победах и лунных богинях. Смех, крики, звон кубков – всё сливалось в единый гул, в ритм этого вечера, в гимн победе.

Пленные же сидели тихо, глядя в огонь. Для них этот пир был не праздником, а напоминанием: их сила – ничто перед волей женщин; их жизнь – лишь ресурс для царства; их будущее – в руках тех, кто сейчас смеётся и пьёт.

Нокт поднял морду, принюхался. Где-то вдали, за линией костров, провыл волк. Ему ответили ещё два голоса. Мир принадлежал им – стражам, хищникам, повелительницам.

Подглава. Рассвет у реки

Небо едва тронули бледные лучи рассвета, когда Элеандра открыла глаза. В шатре царила прохладная полутьма, пропитанная запахом кожи, воска и едва уловимым металлическим привкусом вчерашней победы. Царица поднялась без единого звука – движения её были точны, словно отточены годами привычки вставать до первых криков петухов.

Она откинула полог, и прохладный воздух степи коснулся обнажённой кожи. Ни украшений, ни доспехов – только лёгкая туника из тонкого льна. Её тело, сильное и гибкое, словно выточенное из тёмного мрамора, блеснуло в предрассветных отблесках.

Не торопясь, почти ритуально, Элеандра направилась к реке. Её шаги были бесшумны – так ходит хищница, знающая, что вся степь принадлежит ей. За спиной, в лагере, ещё спали воительницы, лишь дозорные изредка перебрасывались короткими фразами, но царица не обращала на них внимания. Она шла к воде, как идут к святыне.

Река встретила её тихим шелестом волн. Вода была ледяной, прозрачной, как горный хрусталь. Элеандра остановилась на берегу и скинула тунику, позволяя утреннему ветру ласкать кожу, затем шагнула вперёд. Сначала – по щиколотки, потом – по колени, наконец – погрузилась полностью, выдохнув сквозь зубы от резкого холода.

Вода обняла её, как преданный слуга. Царица закрыла глаза, отдаваясь этому мгновению: ни власти, ни битв, ни обязанностей – только она и река. Она провела ладонями по телу, смывая остатки сна, пыль вчерашнего боя, запах вина. Движения её были неторопливы, почти чувственны, но в них не было кокетства – лишь чистая, первозданная свобода.

Пленные мужчины, прикованные у ближайшего костра, не спали. Кто-то тихо стонал от ран, кто-то бормотал молитвы, но все разом замерли, увидев царицу. Их взгляды, сперва рассеянные, тут же устремились к ней – с ужасом, восхищением, затаённой жадой.

Среди них был Харзак.

Он отличался от остальных: не согбен, не сломлен, даже в цепях сохранял гордую осанку. Его глаза – тёмные, как омуты – не отрывались от Элеандры. Он не пялился, как другие, не тарачился с животным любопытством. Он смотрел – внимательно, цепко, будто пытался прочесть в её движениях тайну.

Царица не обращала на них внимания. Для неё эти мужчины не были людьми – они были вещами. Бессловесным ресурсом. Тенью у костра. Она не могла – и не желала – снизить до того, чтобы заметить их взгляд, их дыхание, их существование. Они не имели веса в её мире, не занимали места в её сознании.

Она вышла из воды неспешно, позволяя каплям стекать по коже, оставляя на ней мерцающие дорожки. Ветер тут же подхватил влагу, остужая разгорячённое купанием тело. Элеандра не спешила прикрыться – она была обнажена не только телом, но и духом, свободна от стыда, от чужих взглядов, от условностей.

Харзак сжал кулаки. В его груди что-то сжалось – не от вожеления, а от странного, почти болезненного восхищения. Он видел цариц и княгинь, но ни одна не обладала такой властью над собой, над пространством, над самой природой. Она была как река – холодная, неукротимая, прекрасная в своей беспощадности. Но он всё равно ненавидел её. Один из пленных, не выдержав, прошептал:

– Богиня...

Другой тут же шикнул на него, но слова повисли в воздухе, как роса на траве.

Элеандра наконец накинула тунику, но даже сквозь тонкую ткань её силуэт оставался чётким, властным. Она обернулась – не к пленным, а к восходящему солнцу, подняла руку, словно приветствуя новый день. И пошла прочь.

Её путь пролегал совсем рядом с Харзаком. На мгновение край туники коснулся его плеча – лёгкое, как дуновение ветра, прикосновение. Но Элеандра даже не дрогнула. Её глаза не опустились до уровня его лица, её шаг не замедлился. Она прошла мимо, будто сквозь пустоту.

Харзак замер. В этом мимолетном касании не было ни намёка на интерес, ни тени признания – лишь случайность, лишённая смысла. И от этого оно стало почти невыносимым. Он ненавидел её, и хотел бы, чтобы она ненавидела в ответ. Но он, вообще все они, был для неё пустым местом.

Царица удалялась, оставляя за собой влажный след на траве и тяжёлый, невысказанный вопрос в сердцах тех, кто смотрел ей вслед. Но для неё их вопросы, их мысли, их жизни – не существовали.

Подглава. Новые вести

В лагере постепенно пробуждалась жизнь. Первые лучи солнца, пробившиеся сквозь полог утреннего тумана, золотили острия копий, разбросанных у костров. Воздух, ещё прохладный и густой, наполнялся звуками – скрипом кожи, звяканьем металла, приглушёнными командами.

Воительницы поднимались одна за другой: кто-то растирал затекшие плечи, кто-то тут же принимался проверять оружие, проводя пальцем по лезвию меча. В их движениях не было суеты – лишь размеренная, привычная собранность людей, знающих цену каждому мгновению.

Среди них скользила Каэлия – тень царицы, её неусыпный глаз. Она не кричала, не размахивала руками – её власть проявлялась в тоне, в коротком взмахе руки, во взгляде, от которого у любой воительницы выпрямлялась спина.

– Сундуки с украшениями – в шатёр Элеандры, – её голос, низкий и ровный, разносился над лагерем. – Оружие – к оружейникам. Ткани – к швеям. Вино... оставьте для вечерних пиров. Остальное – в хранилища.

Она не ждала подтверждений, не проверяла, исполняют ли приказ. Всё исполнялось – потому что иначе быть не могло.

Пленные сидели кучкой, скованные одной цепью. Их лица были серыми от пыли и усталости, но в глазах тлел не страх – скорее, упрямое, звериное непокорство. Это были воины диких племён, привыкшие к свободе степей, к ветру в гривах коней, к крикам соколов над головой. Они слышали о матриархате Серебряных Степей, но никогда не жили под его властью. Для них это был не просто плен – это была ломка всего, что они знали.

Один из них – коренастый, с перебитым носом и шрамом через всю щёку — тихо шепнул соседу:

– Ночью. Когда луна будет в зените.

Тот лишь кивнул, не поднимая глаз. Но в этом кивке читалась решимость. Другой, молодой, с горящими глазами, попытался выпрямиться, бросить вызов. Но тут же получил удар рукоятью меча в спину.

– Глаза вниз, – прозвучал ледяной голос.

Это была Лира. Она подошла неслышно, словно тень, и теперь стояла перед пленными, скрестив руки на груди. Её ягуар Нокт прижался к её бедру, его жёлтые глаза внимательно следили за каждым движением мужчин.

– Вы думаете, что можете сбежать? – спросила она, не повышая голоса. – Думаете, степи примут вас обратно?

Молодой пленник поднял взгляд. В нём не было страха – только ярость.

– Мы не рабы.

Лира усмехнулась.

– Теперь – рабы. И чем быстрее вы это поймёте, тем легче вам будет.

Но в её словах не было злорадства – лишь холодная правда. Она знала: эти мужчины не смиряются сразу. Но они смиряются. Потому что так должно быть.

Элеандра наблюдала за всем издалека. Она сидела под навесом, окружённая лишь парой верных слуг, и пила травяной отвар. Её лицо оставалось бесстрастным, но взгляд – цепкий, внимательный – скользил по лагерю, отмечая каждую деталь.

Ей не нужно было участвовать в распределении трофеев. Это не царское дело. Каэлия доложит ей обо всём позже – кратко, точно, без лишних слов. А пока... пока Элеандра просто видела.

Она заметила, как один из пленных чуть сдвинулся, будто проверяя прочность цепи. Заметила, как другой украдкой оглядел дозорных. Заметила даже то, как ветер шевелит волосы молодого бунтаря, который только что бросил вызов Лире.

И улыбнулась.

Потому что знала: ночь покажет, кто из них действительно готов бороться. А утро – кто останется. Солнце поднималось выше, заливая степь золотым светом. Лагерь жил своей жизнью – размеренной, жёсткой, неумолимой. Воительницы трудились, пленные молчали, а где-то в глубине души каждого из них зрела мысль: сегодня что-то изменится.

Кто-то готовился бежать. Кто-то готовился ловить беглецов. А кто-то – просто ждал.

И только Элеандра знала: всё уже решено.

Новые вести

Полдень пылал над степью, словно расплавленное золото. Солнце стояло в зените, и даже тени, прижавшиеся к стволам редких деревьев, казались изнемогающими от зноя. В лагере царил полуденная тишина – воительницы отдыхали в шатрах, пленные сидели, опустив головы, а воздух дрожал от стрекотания кузнечиков и далёкого крика хищной птицы.

Элеандра находилась у своего шатра – не под навесом, а прямо на открытом месте, где ветер хоть немного разгонял духоту. Она пила прохладный настой из горных трав, когда в небе появилась тёмная точка.

Сначала это был лишь едва заметный силуэт, сливающийся с синевой. Потом – чёткая, стремительная тень, рассекающая пространство с бесшумной грацией хищника. Сокол приближался, и с каждой секундой становилось ясно: это не просто птица. Это был её сокол.

Он снизился плавно, почти бесшумно, лишь в последний момент взмахнув широкими крыльями, чтобы замедлить полёт. Приземлился неподалёку – на плоский камень, выжженный солнцем до белизны. Перья его отливали бронзой и антрацитом, клюв был острым, как клинок, а глаза – жёлтые, пронзительные – смотрели прямо на царицу.

Элеандра не вскочила, не вскрикнула от радости. Она лишь медленно поставила чашу с настоем на землю и поднялась. Её движения были размеренными, но в них чувствовалась та особая напряжённость, с которой человек встречает давнего друга, вернувшегося из долгого странствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.